

Проводив старую госпожу Хоу, императрица распорядилась подготовить лучший экипаж и приставила к нему свою старшую служанку, велев во что бы то ни стало в целости и сохранности доставить гостью в поместье.

Сидя в экипаже, старая госпожа Хоу отодвинула занавеску и оглянулась на красные стены и золотую черепицу дворца.

— Не беспокойтесь, — проговорила сопровождавшая её служанка императрицы, — Её Величество обещала, что будет немедленно извещать вас о любых новостях.

— Благодарю. Передай мою признательность Её Величеству.

Когда они прибыли в поместье Маркиза, Мама Фан, преданная служанка старой госпожи, уже ждала у ворот. Она вежливо поблагодарила дворцовых слуг и проводила хозяйку внутрь.

Лишь оказавшись в тишине своих покоев, Мама Фан решилась спросить вполголоса:

— Госпожа, вы вернулись без маленького принца?

— Забрать его было невозможно с самого начала, — ответила старая госпожа Хоу. — Государь никогда бы не согласился.

— Тогда к чему всё это было?

— Нужно было выбрать верный момент. Где-то — выплеснуть гнев, где-то — показать, что у мальчика есть опора. Остальное же — не более чем игра.

Сначала история с загородным дворцом, затем этот переполох с отравлением... У семьи Хоу наконец появился веский повод вмешаться в дела императорской семьи.

— Потребовав забрать ребёнка на глазах у императора, я ясно обозначила нашу позицию. И в той ситуации, когда Седьмому принцу явно угрожала опасность, Чунчжао — то ли желая оказать честь мне и моему мужу, то ли из памяти о Юэцин, то ли из опасения перед тайными врагами — неизбежно пришёл бы к такому решению.

Старая госпожа сделала глоток чая и продолжила:

— Теперь император взял Седьмого принца под личную опеку. Ребёнок, которого растишь сам, и тот, которого видел лишь мельком — это две огромные разницы. Даже если он пробудет в

Цзычэне всего несколько дней, это изменит всё.

Однако она понимала, что её дерзкий визит оставил в душе государя неприятный осадок. Вспомнив прощальные слова Чунчжао, старая госпожа спросила:

— Суй Цзяньянь снова присылал кого-то?

— Он всё-таки младший брат Маркиза, — вздохнула Мама Фан.

— Глупец. Если явится ещё раз — вели гнать его прочь, окатив кипятком.

Мама Фан покорно кивнула.

Старая госпожа Хоу вспомнила маленького внука, лежащего на огромной кровати, и невольно вздохнула. Сколько бы ни было в её сердце тревоги и нежности, она сделала всё, что было в её силах. Дальнейшая судьба мальчика теперь полностью зависела от воли императора.

Дворец Цзычэнь

Личные покои императора Чунчжао поражали сдержанной, но величественной роскошью. Каждую из четырёх опор огромного ложа обвивали девять искусно вырезанных драконов. Сама кровать больше напоминала отдельную комнату, отгороженную с трёх сторон ширмами из красного сандала с изящными золотыми пейзажами.

У изножья курилась бронзовая чаша, наполняя воздух тонким ароматом благовоний для глубокого сна. Император знал толк в ароматах и даже сам составлял их в зависимости от времени года. Драгоценные смолы и травы стоили баснословных денег — пожалуй, это было его единственное по-настоящему расточительное увлечение.

Цюй Дубянь, которого внесли в покои на руках, вдохнул этот запах.

«Ну и пропасть между жизнью отца и сына»

С возвращением государя слуги в зале засуетились, готовясь к вечернему туалету повелителя.

Едва Чунчжао передал спящего ребёнка евнуху Юю, чтобы тот уложил его, как мальчик снова начал всхлипывать и жалобно стонать во сне. Императору пришлось забрать его обратно и самому отнести к постели.

Но и это не помогло. Ребёнок словно чувствовал малейшее отдаление: стоило Чунчжао убраться, как тихий стон переходил в надрывный плач.

Государю ничего не оставалось, кроме как сесть на край ложа, пристроив сына у себя на коленях. Одной рукой он придерживал его, а другой принял мокрое полотенце, чтобы быстро обтереть лицо.

Он сделал знак рукой.

Евнух Юй опустил тяжелые пологи кровати и, оставив в спальне лишь дежурных слуг, сам вышел наружу.

Там его ждал Е Сяюань. Увидев старшего евнуха, он первым же делом вернул ему жетон.

— Мог бы и завтра отдать, — негромко проговорил Юй Дэцай. — Устал, небось? Ступай отдыхать.

Он не стал спрашивать, как именно Сяюань воспользовался его властью.

— Пустяки, — отозвался Сяюань. — Скажите, евнух Юй, принц заснул?

— Ты и впрямь всем сердцем предан маленькому хозяину, — Юй понизил голос. — Спит-то он спит, но до чего же привязчивым стал! Не отпускает Его Величество ни на шаг. Стоит только положить — сразу в крик.

Сяюань вспомнил странную атмосферу в Цзюйане и то, как принц поначалу сторонился отца.

— Там, во дворце... Маленький принц казался таким чужим рядом с императором. Что произошло до моего прихода?

Юй Дэцай замялся, но всё же поведал о том, как Седьмой принц, едва его нашли, сам потянулся к отцу, просясь на ручки, но получил отказ.

— При первой встрече государь, должно быть, чувствовал себя неловко. Но посмотри, разве сейчас не всё наладилось? Седьмой принц — первый из сыновей государя, кого оставили в Цзычэне под личным присмотром императора.

Е Сяюань выдавил горькую улыбку.

— Да, он первый.

Но много ли во всём дворце найдётся принцев, которые выросли в Цзюйане, больше похожем на холодную темницу? Принцев, которых обделяли слуги, которых пытались отравить лекари и которые никогда не видели своего отца?

Маленький принц сбежал в морозную ночь, терпя боль, лишь ради того, чтобы увидеть отца. А когда наконец встретил — тот даже не захотел его обнять. Сяююань не видел этого своими глазами, но ему не стоило труда представить, какая невыносимая обида и разочарование захлестнули тогда сердце ребёнка.

— Ты ведь давно служишь при Седьмом принце, — прервал его мысли евнух Юй. — Как он спит по ночам? Не капризничает?

— Никогда, — ответил Е Сяююань. — Его Высочество всегда был удивительно послушным. Даже когда болел, он просто становился тихим и молчаливым.

Выйдя из покоев, Сяююань заметил человека, стоящего на коленях у подножия лестницы. На нём было чиновничье платье, но его покррой отличался от одеяний других придворных.

— Кто это?

— Глава Астрологического управления, — нехотя ответил Юй Дэцай. — Давно уже тут стоит. Государь не желает его видеть, а я не смею докладывать. Велел ему уйти, да он ни в какую. Сил на него нет.

— Вот как?

Е Сяююань одарил коленопреклоненного чиновника ледяным взглядом. Мысленно выплеснув на него все самые черные проклятия, какие только знал, он развернулся и ушёл.

Внутри опочивальни.

Тот самый «послушный» ребёнок, о котором говорил Сяююань, сейчас ворочался на драконьем ложе, то и дело принимаясь хныкать. Стоило кому-то другому попытаться взять его на руки — и плач превращался в настоящий рёв.

Голова у Чунчжао шла кругом. Он неловко покачивал сына, и тот постепенно замолкал. Но стоило императору устроиться рядом, как жалобное сопение возобновлялось.

Чунчжао приподнялся и, похлопав мальчика по спине, строго приказал:

— Спи.

Цюй Дубянь же про себя решил:

«Если этот папаша сегодня хоть на миг сомкнет глаза, я имя своё задом наперёд напишу! Столько страданий выпало на долю прежнего владельца этого тела — сейчас я лишь взимаю малую часть долга»

Император видел лишь одно: его сын снова всхлипывает во сне, едва слышно шепча пересохшими губами:

— Матушка...

Сердце государя дрогнуло. Тяжело вздохнув, он снова взял его на руки. Дубянь тут же затих.

Чунчжао так и сидел на кровати, скрестив ноги, прижимая к себе ребёнка. Спустя полчаса он перестал чувствовать собственные ноги. Бессмысленно глядя на опущенный полог, он прислушивался к ровному дыханию сына и надеялся, что тот наконец крепко уснул.

Он осторожно шевельнул затёкшей рукой. В ту же секунду мальчик приоткрыл рот и невнятно пробормотал:

— Спутник... пить...

Чунчжао замер.

Не смея лишний раз шелохнуться, он ногой отодвинул занавеску. Когда он ступил на подставку для ног, оцепенение в конечностях мгновенно сменилось колючей болью, пронзившей всё тело до самой макушки. Глубоко вдохнув, император почувствовал, как сонливость окончательно испарилась.

Этой ночью в Цзычэне дежурил евнух Бао. Он как раз задремал во внешнем покое, когда внезапный толчок пробудил его. От испуга у него едва душа в пятки не ушла; он в панике ловил сползающую на нос шапку, собираясь просить прощения, но Чунчжао резко шикнул:

— Тсс!

Евнух Бао мигом зажал рот рукой.

— Зови лекаря.

Вскоре привели лекаря Яна. Тот, решив, что принцу стало хуже, бежал всю дорогу, но, осмотрев Дубяня, заметно расслабился.

По его знаку слуги принесли чашу тёплой воды, в которую добавили немного целебного сока.

— Ваше Величество, если Его Высочество попросит пить — дайте ему это. Оно поможет окончательно сбить жар.

Чунчжао велел евнуху Бао поить ребёнка. Сам он остался сидеть на краю ложа, поддерживая сына. Однако Бао, как ни старался, не мог влить в мальчика ни капли. Ребёнок плотно сжал губы и упрямо не открывал рта.

Евнух Бао утирал пот со лба, чувствуя, как под суровым взглядом императора, смотрящего на него как на никчёмную ветошь, у него начинают дрожать руки.

— Дай мне, — не выдержал государь.

Чунчжао взял ложку, подул на неё... Он надеялся, что у него дело пойдёт быстрее, но спустя долгое время он со звоном отложил ложку обратно в чашу.

Державший поднос евнух Бао низко склонил голову:

— Ва... Ваше Величество, продолжать?

Чунчжао пристально смотрел на упрямо сжатый ротик сына. Этот изгиб губ выдавал в мальчике недюжинное упрямство, и император впервые ощутил, какой непростой задачей оказался уход за ребёнком.

«Неужели наложницам в гареме так же трудно растить детей?»

Но нет, у других принцев всегда были целые толпы мамушек и нянек. А этот малец напрочь отказывался принимать чью-либо помощь, словно щенок, по запаху чуживший своих и чужих.

Снова глубоко вздохнув, Чунчжао взял ложку и принялся кормить сына с тем же упорством, с каким обычно разбирали государственные донесения. Если из десяти попыток удавалось влить хоть одну ложку — это уже было успехом. И когда маленький сорванец, смешно морщась, всё-таки сглатывал лекарство, император ощущал странный, почти нелепый прилив гордости.

Выпил-таки.

Скармливая ему полчаши, Чунчжао почувствовал колоссальное облегчение. Евнух Бао

разделял чувства своего господина.

Мальчик причмокнул губами. Он ласково прижался щекой к руке Чунчжао, но позвал при этом:

— Спутник...

Спутник? Император вспомнил — так он называл того маленького евнуха, что всегда был рядом. Чунчжао на миг почувствовал себя так, словно всю ночь лез из кожи вон лишь ради того, чтобы плоды его трудов достались кому-то другому. С этим мимолётным чувством досады он снова лёг на кровать.

На этот раз Чунчжао придумал хитрость: он уложил ребёнка себе на грудь. Так дышать было тяжелее, зато можно было хоть немного вздремнуть.

Небо на востоке уже начало светлеть, когда Дубянь пошевелился.

— У-у... пи-пи...

Чунчжао пулей подскочил на месте.

— Эй! Кто-нибудь! Сюда!

Цюй Дубянь на мгновение приоткрыл один глаз. Будь он младенцем, непременно оставил бы «памятную карту» прямо на императорском халате.

Так продолжалось до четырёх утра. То пить, то в туалет, то поза неудобная — мальчик хныкал и капризничал без конца.

Чунчжао был измотан до предела. Во дворце Цзычэнь до самого рассвета не гасли огни.

В боковом покое.

Е Сяююань как раз закончил рассказывать Вэнь Сяочуню о событиях ночи.

— Пусть это вышло случайно, но лишь благодаря доброте Его Высочества, отдавшего мне то лекарство, я остался жив, — тихо проговорил Сяочунь. — Эту милость я не забуду до конца своих дней.

— Я в тебе и не сомневался, — ответил Сяюань.

Раз уж тот не побоялся поджечь Астрологическое управление, в преданности Сяочуня сомневаться не приходилось.

— Но я и представить не мог, что кто-то уже давно пытается извести принца.

— Я знаю дворец не так хорошо, как ты, — заметил Сяочунь. — Кто это может быть?

— Подозрения падают лишь на немногих... — Сяюань не договорил. Это место не было их родным углом, и он опасался лишних ушей.

Он быстро начертил на полу несколько иероглифов — Дубянь учил их грамоте, и они оба умели читать.

— А как же Астрологическое управление? — спросил Вэнь Сяочунь.

Сяюань задумался:

— Вряд ли. Иначе они не стали бы так изощренно плести интриги, чтобы просто выслать принца прочь.

— Император велел закрыть Императорскую медицинскую академию и провести обыск. Не знаю, удастся ли им что-то найти. Пока принц живет с государем, он в безопасности.

Сяюань снова вывел пальцем на полу строку:

«Скоро начнут расследовать пожар в Астрологическом управлении, и поиски наверняка приведут на Большую кухню. Смотри не выдай себя»

Хоть они и замели следы под прикрытием жетона евнуха Юя, осторожность сейчас была превыше всего.

Вэнь Сяочунь на мгновение замолк, молча глядя на друга.

— В чём дело? — не понял Сяюань.

Сяочунь кашлянул и прошептал:

— Это... я не все иероглифы узнал. Не понял, что тут написано.

— ...

Наступила неловкая тишина. Е Сяююань пару раз легонько стукнул его кулаком по плечу.

Евнух Юй вошёл в покои ровно в назначенное время, чтобы сменить евнуха Бао и подготовить государя к утреннему выходу.

Встретившись с Бао, он невольно вздрогнул. У того под глазами залегли такие тени, будто какая-то нечисть выпила из него все жизненные соки.

Взглянув на ложе, Юй и вовсе замер. Прическа императора была безнадежно испорчена: ребёнок, сладко спавший в его объятиях, намертво вцепился в одну прядь волос и время от времени дергал за неё. Каждое такое движение заставляло голову императора покорно склоняться ниже.

Сам государь сидел с отсутствующим видом, а под его глазами красовались два огромных темных круга.

— ...

— Пора на совет, верно? — безжизненным голосом спросил Чунчжао.

— Да, Ваше Величество, — ответил Юй Дэцай с профессиональной выправкой.

Император потёр переносицу:

— Позови того... как его... Е... Е Сяююаня.

Когда Сяююань пришёл, Чунчжао поспешно передал ему ребёнка. Дубянь тут же начал капризничать: сучить ножками и извиваться всем телом.

Е Сяююань привычно покачал его, поглаживая по руке:

— Тише, Ваше Высочество, будьте умницей...

Услышав знакомый плач, Чунчжао на мгновение порывался забрать сына обратно, но вовремя остановился. Он велел Юй Дэцаю немедленно переодеть его — никогда ещё это молчаливое и слаженное действие не совершалось с такой быстротой.

Едва умывшись, император стремительно вышел из зала.

Ледяной утренний ветер мгновенно прояснил его затуманенный после бессонной ночи разум. Чунчжао зашагал прочь. Капризничает сын или нет — он не мог явиться на императорский совет с младенцем на руках.

<http://bllate.org/book/16117/1586486>